

GREENWICH

МАРК ЛАЧИН

ОСТРОВ В КАРМАНЕ

Неакадемическая история Кипра
в rare-book —
удобно и познавательно

6+

Марк Лачин

Остров в кармане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61766233

SelfPub; 2020

Аннотация

Хотите узнать самое интересное и увлекательное из истории Кипра? Страноведческий бестселлер писателя, режиссера и путешественника Марка Лачина затянет в неформальное историческое путешествие. За 9 тысячелетий здесь были египтяне и ассирийцы, персы и греки, римляне и византийцы, франки и венецианцы, арабские пираты и турки. Марк Цицерон и Святой Лазарь, Ричард Львиное Сердце и Беренгария Наваррская и шекспировский мавр Отелло, философ Зенон и его черепаха. Вся история цивилизации оставила след в культуре и традициях, верованиях и архитектуре, песнях и танцах местных жителей.

Вместо пролога

На отмели времен...

В. Шекспир

Когда любимое дело наскучило, а профессиональное выгорание переключалось из газетных статей в твою собственную жизнь, ты поначалу немного теряешься. Но потом вдруг вспоминаешь о забытом острове, где когда-то на душе у тебя было легко и беззаботно. По крайней мере, так начинает теперь казаться. А ведь ты всегда хотел махнуть туда, и когда это сделать, если не сейчас? И вот ты спрашиваешь себя: дауншифтер ты с большой буквы «Д» или просто даун? Семья неожиданно идею твою поддерживает, вполне вероятно потому, что впереди маячит московская зима. И ты, чтобы не передумать, на следующий же день оформляешь годовой отпуск по очень личным обстоятельствам. При этом тебя так неправдоподобно легко отпускают оттого, что толку от тебя с таким настроением все равно никакого...

А дальше все оказывается совсем не так, как мы боялись. Переезд проходит почти без осложнений, и наш быт на новом месте постепенно налаживается. Младшая дочь начинает ходить в английскую международную школу. Супруга при ней, всецело включенная в учебный процесс, ведь только дорога от нашего жилья до школы в горах занимает немало времени. Я же – словно зависаю, выпав из привычной повседневной гонки. Я теперь (О! Ужас!) предоставлен сам себе. Постепенно я начинаю замечать, что всерьез инфици-

рован главной средиземноморской болезнью, носящей здесь все признаки пандемии – всепоглощающей и ничем непреодолимой лени. Все симптомы налицо. Так, казалось, пару минут назад, заказав в прибрежном кафе чашечку кофе и удобно устроившись в тени, я вдруг, взглянув на часы, замечаю, что просидел битых два часа, бездумно таращась на морскую гладь. И поскольку все посетители всех без исключения кафе на острове с самого утра и день напролет поступают примерно так же, становится ясно, что данная болезнь здесь не лечится. Единственным доступным мне лекарством может стать компьютерная клавиатура и желание, наконец, уяснить для себя хотя бы в общих чертах историю этого острова. Ну, раз уж я здесь оказался. Хотя задачка не из легких. За девять тысячелетий все смешалось на острове в вихре этого безумного этнического коктейля завоевателей: египтяне и ассирийцы, персы и греки, римляне и византийцы, франки и венецианцы, арабские пираты и турки Оттоманской империи, англичане и снова турки...

А какие только легендарные личности по преданиям не отметились здесь: философ Зенон и его черепаха, Ричард Львиное Сердце и Беренгария Наваррская, Леонардо да Винчи и шекспировский мавр Отелло, служивший наместником на севере острова в Венецианском гарнизоне... Кажется, вся история цивилизации пронеслась вихрем через этот небольшой клочок суши. И все, что нужно, – это повнимательнее всмотреться в эти имена и даты.

И я решаю взяться за этот проект. Я не тороплюсь и как греки никуда не спешу, много и подолгу гуляю и общаюсь с местными жителями. Громко было бы называть мой метод попыткой связать прошлое с его приметамы в настоящем, но только настоящее и люди в нем интересуют меня никак не меньше ушедших эпох. Постепенно снова возникает желание писать, до приезда на остров, казалось утраченное навсегда.

Дальше я пытаюсь сделать так, чтобы рассказ разворачивался последовательно от эпохи к эпохе. Может так, – думаю я, – получится выстроить эту фактологическую избыточность хоть в какую-то умозрительную, пусть и несколько упрощенную цепочку, которую можно удержать в голове. Да так, чтобы в один прекрасный момент ощутить девятитысячную историю этого острова целиком. А что касается выбора артефактов или исторических мест на острове... Конечно же, он случаен и субъективен, потому что я решаю писать только о том, что любопытно мне самому и, как заключили бы не в меру сентиментальные барышни, автор хотел бы поделиться этой своей любовью с читателями. Так что счастливого вам погружения в пространства острова...

Посвящаю своим любимым дочерям Ксении и Веронике, для которых этот остров в детстве стал второй родной...

Глава 1. Медный остров (7000–1500 гг. до н.э.)

На Кипре пролился долгожданный дождь. Остров благоухал ранней весной. Духмяные ароматы подтверждали скудность моих прежних обонятельных практик. Я отправился бродить по «приморским садам». Так я называю дикие ландшафты, раскинувшиеся над морем: с изумрудными полянами, одинокими витиевато-ствольными оливами (видите, вот и я заговорил почти слогом Гомера, уверяю, и вас это здесь не минует), анемичными асфоделиями и множеством того, что я назвать не в силах, да и нужно ли? Ибо ценность таких прогулок – как раз в отсутствии слов. Потому прогуливаться надо в одиночку, иначе все пропустишь, ничего не увидишь. Шествуя же широко, размашисто, разгоняя меха дыхательной кузни, в какой-то таинственный момент впадешь в состояние транса, экзистенциальной беременности, – и можешь идти так без остановки, пока хватит пространства острова. Кажется, все вокруг способствует этой текучей, беспрерывной медитации. Море показывает тебе неиссякаемое разнообразие своих картинок: оно рисует, играя светом, цветом, ветром, облаками, просеивает пульсирующий всполохами эфир пригоршнями дождя, сыплет тебе под ноги великанский град, и ты скользишь на нем, как на роликах, рискуя свернуть себе шею или навеки кануть в море. Здешние горы сотворены из песчаника: под дождем они тают и оплывают, как мороженое. Продвигаясь вдоль прибрежной полосы, я вышел на сотворенный природой «карниз». Внизу утробно шумела пучина. Вначале сцепление с подошвами было

неплохое, и, сделав первые шаги, я начал уверенно продвигаться вперед. Но примерно на середине пути уклон «карниза» стал круче, дождь усиливался, мои ступни стали безвольно соскальзывать вниз – и я оказался в море. Вымокнув до нитки, некоторое время раздумывал: плыть дальше или брести...

...Я заметил их сначала боковым зрением: что-то взметнулось над выступающим в море утесом. Резко повернув голову, я увидел длинноногих птиц в оперении пронзительной белизны. Снежная стая с семью черными пунктирами клювов неслась прочь, восьмой клюв был спрятан под крыло, оставаясь на земле. Птица стоически переносила непогоду, замерев на одной ноге. Она напоминала эскимо на коричневой палочке, только грустное, какое-то обиженное эскимо. Я чувствовал, что передо мной разворачивается драма, и я могу наблюдать ее изнутри, поскольку, стоя по колено в воде, полностью слился с мокроточащим пейзажем. Тут одна птица отделилась от стаи, подлетела к оставшейся на земле соплеменнице и «шепнула» ей что-то, скрытое от меня в шуме волн. Головка с белоснежным хохолком вынырнула из-под крыла, мир снова обрел для нее краски. Затем последовал мощный взмах крыльев – и вот уже вся стая, словно объединенная невидимыми связями ломкодвигущаяся молекула ДНК, устремилась в открытое море. В тот момент я завидовал свободе этих неведомых мне белоснежных созданий, которые могут вот так в одно мгновение, снявшись с места

без вещей, без виз и кредиток, в проливной дождь, рассчитывая только на мощь крыльев и врожденные безотказные радары, полететь своим, только им ведомым маршрутом.

Куда же для начала полетим мы с вами? Знакомый вопрос для тех, кто отправляется в Путешествие. И поскольку, как сказал поэт, «лучше гор могут быть только горы», начинать лучше с Троодоса. К тому же, вот увидите, троодосские горы – идеальное место для размышлений о том, с чего мы начнем разминаться в своих способностях чувствовать этот остров. Но не так, как нам предписывают глянцевые путеводители, а по-другому. Как именно? Вот сейчас и попробуем. Обувь удобная, солнечные очки на месте? Тогда можно начинать и отправляться в горы.

Взбираться по серпантину дорог с отвесными горными склонами и само по себе непросто, но делать это по «встречке» (ведь движение здесь, как в Англии или Японии, левостороннее, а потому, на наш взгляд, – «неправильное») психологически непросто вдвойне. Наконец, когда мотор заглушен, чай выпит и сделано несколько шагов по пешеходной тропе, названной в честь Артемиды и убегающей вдаль под тенистые кроны ливанских кедров, напряжение отступает. И теперь ты будто впитываешь умиротворенность ландшафта через молчаливое его созерцание. В памяти начинают всплывать поэтические строки, например, вот такие – из Пастернака:

Лужайка обрывалась с половины.

За нею начинался Млечный путь.

Седые серебристые маслины

Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

Когда впереди – поворот, то твоя тропинка, действительно, зависает во времени и пространстве... Остается лишь не замешкаться, занести ногу и продолжить движение. До тех самых пор, пока ты не заметишь, что с горной тропы ступил на какую-то иную, которая обязательно приведет тебя к искомым мыслям.

Итак, мы на Медном острове. Причем, Медь – это и есть его название. Хотя на самом деле, медь стали называть, как остров – “Сургуs” (англ.), который изобиловал ее запасами – и это единственный случай, когда металл так и значится в периодической таблице химических элементов, как Сургуm, что в переводе с латинского и означает «кипрский». Эти богатства откроются позже в III–II тысячелетии до нашей эры, во времена, которые так и будут называться – Бронзовый век. Но вначале давайте разберемся, откуда в здешних горах, которые зовутся Троодос, взялась медь. Да откуда возникли и сами горы? Тут нам понадобится отступить в Мезозойскую эру. Страшно подумать – 100 миллионов лет до нашей эры! Какой же мы находим нашу планету? Европа, Северная Африка и большая часть Азии – скрыты водами Мирового океана. Потом он будет наступать и отступать несколько раз, обнажая сушу постепенно, как бы нарощую из спрессованных останков бесчисленных морских обитателей. Да, да

это тот самый песчаник – любимый стройматериал кипрско-го мастерового люда, в котором нет-нет да попадетсЯ эдакая окаменелость в виде почти целой морской ракушки, как автограф Создателя. Всмотревшись повнимательнее в породу, вы без труда обнаружите целую россыпь океанских моллюсков так называемого Мелового периода, с молодым задором посверкивающих на солнце. Так и возникла земная твердь, взбухла из океанских пучин, и какое-то время наш остров был единым целым с Африкой и с Малой Азией, соединяясь с ней в районе нынешней турецкой Анатолии. Но откуда тогда взялась медь? Конечно же, из недр земных. Материки пусть и медленно, но движутся. После «столкновения» двух тектонических плит: Евразийской с севера и Африканской с юга – в земной коре образовался разлом, из которого на поверхность устремились миллионы тонн расплавленной магмы. Так возникли горы Троодос, богатые медью. Кстати, специалисты говорят, что таких удобных мест для наглядного изучения геологических процессов на нашей планете всего два – здесь, на Медном острове, да еще в Новой Гвинее. Только в этих местах, благодаря особенности земного разлома, мы можем приблизиться к таинственным недрам Земли, к манящей всех ученых мира земной мантии больше, чем где-либо.

Чего еще не хватает в этой истории? Да, несомненно, талых вод после ледникового периода, которые сомкнулись вокруг Медного острова, до сего дня отделяя его от двух ма-

териков. Только дыхание Африки все равно осталось – например, в здешней, самой теплой в средиземноморской Европе зиме. А если кто-то решит забыть про близость африканского континента, он напомним о себе заполошной руганью кипрской хозяйки, которая с вечера вывесила на улицу для просушки белье после стирки, а утром обнаружила его не белоснежным, а в бурых разводах после пыльной бури, долетевшей сюда из Сахары.

Дальше можно сделать так: присесть на лавочку в партере перед умопомрачительным видом. Неспешно окинуть взглядом виноградники на отвоеванных у гор земляных наделах, которые рукотворными террасами с выложенными камнем стенками спускаются в долины. Здесь есть над чем поразмышлять. Может, оттого что вы присели словно на границе двух миров: внизу – благоуханная кипень в салатových тонах, а наверху – узловатые стволы кряжистых черных сосен, взбирающихся в одиночку по скалистому отвалу к самой вершине с таким ожидаемым в здешних местах названием – Олимп (О, Боги! Всего-то 1951 метр над уровнем моря). Здесь можно с фотоаппаратом поохотиться за высокогорными дикими орхидеями, например, Helleborine, их местные называют “The Holy Virgin’s Tears” – «Слезы святой девы». Этот «Аленький цветочек» можно отыскать только в горах Медного острова. А если на этот раз вам не повезет, тогда полюбуетесь миртовым деревом, кипрским золотым дубом на горных склонах, глянцевостволовым земляничным деревом. На

восточных же склонах Троодоса можно набрести на целые поля дикой лаванды.

Похоже, до VII тысячелетия до нашей эры Медный остров был необитаем. Никаких следов доисторических людей здесь до сих пор не обнаружено.

Только представьте на мгновение: перед вами Необитаемый остров. По ныне высохшим руслам текут чистые полноводные реки, в которых плещутся несметные серебрянобокие рыбные стаи. Водные артерии щедро питают окрестные почвы, которые утопают в зеленых кущах полных дичи. Такая картинка райского изобилия сохранялась здесь несколько тысячелетий. А еще задолго до описываемых событий, тысяч эдак 12-14 лет тому назад, на острове водились, вы не поверите, слоны, пусть хоть и карликовые, и даже бегемоты. По свидетельству современных археологов в холке они были с собаку, в длину – чуть больше метра, а весило такое создание под два пуда. Интересно, что собратья кипрских карликовых бегемотов дожили до наших дней на западной оконечности Африки. Однако я несколько отвлекся, что, кстати, на этом острове и с вами будет происходить сплошь и рядом. А бегемотиков я вспомнил лишь для того, чтобы еще раз проиллюстрировать тот факт, что остров наш в разные доисторические времена был прообразом райских кущ на земле.

Сегодняшний привычный для нас желто-лунный пейзаж выжженного солнцем острова – следствие, говоря современным языком, экологической катастрофы. Но приключилась

она, скорее всего, до нашей эры – завоеватели, владеющие островом, варварски вырубали леса для строительства кораблей и выплавки меди, почвы обезвоживались, а козы и прочие парнокопытные просто вытаптывали вокруг все живое. Вот такое тривиальное объяснение, почему иссякли реки и исчезли леса, напоминанием о которых на острове служит лишь краснозем, который на протяжении тысячелетий образовывался здесь под сенью широколиственных крон. Однако вернемся к Каменному веку.

Сюда в горы я захватил с собой сувенир из самой обычной туристической лавки – это доисторический каменный человек – круглоголовый со скорбно вздернутыми бровями. Мое внимание привлекли его руки, которые он крестообразно распростер, то ли приветствуя нас, своих неведомых потомков, то ли для грозящего ему распятия. Ведь доисторическому мастеру, который его изваял, похоже, было чего бояться. Первые люди появились на острове после VII тысячелетия до нашей эры и до IV тысячелетия основали здесь десятки поселений. Не стану вдаваться в детали их быта, скажу только, что было у них все, как у людей каменного века: умели выращивать зерно, лепить глиняную посуду, обращаться с деревянным плугом. Дома строили приземистые и круглые, как дзоты, словно боясь чего-то, предпочитали зарываться в землю. А потом что-то пошло не так, и все пропали с острова на целое тысячелетие, и примерно с V по IV тысячелетия остров снова стал необитаем. Ученые до сих пор ломают го-

ловы, по какой такой причине и почему так надолго и так бесследно они отлучились с острова. Случись такое в наше время, мы бы элементарно все объяснили происками НЛО. Но как быть с Каменным веком? Потому и всматриваюсь я в каменного человечка, собратья которого будто в одночасье улетели на Андромеду, и тут замечаю, что на шее у него – талисман: он сам у себя в виде распятого человечка.

Если захотите поразмышлять над этим, то по пути из международного аэропорта Ларнаки в Лимассол, заметив справа от трассы тенты над развалинами, тормозните в Хирокитии и, не спеша побродите по остаткам неолитического поселения, где и жили те странные человечки. Сами же киприоты в подобные места особо не заходят, однако подобной исторической рекламой хитроумно промышляют. Чего только стоит объявление, которое повстречалось мне где-то под Пафосом – «Продам камни из неолита, недорого». Звучало основательно, но правда в том, что камней, кроме тех, которые возникли задолго до эпохи неолита, на планете Земля не существует. Так что будьте осторожнее на острове с этим гермесовым племенем.

Мы же с вами напрямик направимся в Бронзовый век, который наступил здесь, на острове примерно в III тысячелетии до нашей эры. Тут уместно склониться, и в скальной россыпи троодосских отвалов с легкостью отыскать камень с бурыми разводами медной патины на голубом, – из таких вот пород и добывалась медная руда. А потом какому-то древ-

нему умельцу посчастливилось угадать оптимальное соотношение меди и олова – 90:10, и в обиходе появились всевозможные бронзовые орудия труда, иглы, ножи, мечи, наконечники для стрел и копий, ритуальная утварь и, конечно, женские украшения, которые уместно было бы назвать применительно к данному случаю бронзулетками.

И здесь самое время обратиться к Гомеру, согласно которому, бог-кузнец Гефест выковал для героя Троянской войны Ахилла меч и медный щит. Сдается мне, что без кипрской меди тут дело не обошлось. Ведь именно Кипр станет снабжать медью весь Античный мир. А вообще, разработка меди на острове будет продолжаться с перерывами вплоть до середины XX века, то есть что-то около пяти тысяч лет.

В наше время почти невозможно представить, как была устроена в древности «металлургическая отрасль». Хотя и тут кое-что может подтолкнуть наше воображение. В горах Троодоса, особенно в северной их части, до сих пор можно набрести на заброшенную меднорудную штольню, как правило, с запретными восклицаниями на входе. Если вы случайно прихватили с собой фонарик, а еще лучше моток бечевки – действуйте. После такой ободряющей прогулки назад, в Бронзовый век, выбравшись, наконец, из полного мрака под полуденное солнышко, вы больше будете ценить свое настоящее. По всей вероятности, здесь же, неподалеку от шахт, и были расположены медеплавильные производства, которые беспощадно пожирала леса, приближая будущий

экологический сдвиг. Поскольку медь превращала здешние места в остров изобилия, жизненно важно было задабривать богов в храмах, которые ставились, по-видимому, рядом с медеплавильнями, дабы не оскудела их щедрость. Бронза отливалась в тяжелые слитки в виде воловьих шкур весом в 39 килограммов, их можно посозерцать в разных музеях острова, есть они и в Кипрском зале Британского музея в Лондоне.

При этом главной тягловой силой острова вплоть до середины XX века оставались... ослики. И как же тут опять не процитировать Пастернака:

И ослики в сбруе, один малорослей

Другого, шажками спускались с горы.

И получается, что на поколениях тех самых малорослых осликов по этим самым узким горным тропам и петляли веками караванные медные реки, извилисто стекая к морским портам. А дальше на деревянных утлых суденышках товар направлялся к могущественным соседям – в Египет, который тут всего в 60 милях к югу, на восток – в месопотамские цивилизации Вавилона, Ассирию, а позднее – Персию. В западном направлении торговля шла с Критом и Микенами. А поскольку торговля предполагает наличие ассортимента, вместе с металлообработкой на острове стремительно развивалось и керамическое производство, в свою очередь, подталкивая дальнейшее развитие торговли. Сей факт подтверждает наличие кипрских ваз и сосудов с их трогательным изобразительным жизнелюбием в самых неожиданных гео-

графических местах, например, на западном берегу Нила.

События и даты

для неспешных размышлений
за чашечкой кипрского кофе

100 млн. лет до н.э. – формирования известняка и далее через разлом в земной коре появление островов и гор.

7 000–4 000 лет до н.э. (Мезолит, Каменный век) – появление первых гомо сапиенс на острове.

на 1000 лет – примерно с V по IV тысячелетия до н.э. люди куда-то внезапно исчезли, и остров снова стал необитаем (ученые до сих пор ломают головы над этой загадкой).

3 000 лет до н.э. – начало Бронзового века на Кипре.

2 000 лет до н.э. – расцвет ремесел: изделия из меди и бронзы, керамика. Устанавливаются и крепнут торговые связи с Египтом, Вавилонскими царствами Месопотамии, Ассирией, позднее – Персией, Критом и Микенами.

Глава 2. Остров фараонов или Атлантида где-то рядом (период крито-микенской колонизации) (1500–400 гг. до н.э.)

Своеобразным актом признания торгового потенциала острова явилось его присоединение к Египту в 1500 году до нашей эры Фараон Тутмос III, пользуясь современной финансовой терминологией, вывел его металлургическую отрасль на IPO, и она теперь котировалась на международной товарной бирже. Утешением киприотам стало упоминание

их острова в египетских летописях примерно в то же самое время... (вот я и говорю, чем не листинг).

Проверено не раз: глубокое погружение в исторические изыскания неизбежно вызывает аппетит, причем скорее рано, чем поздно. Голод неизбежно усиливается, когда следуешь лучшим традициям школы перипатетиков – так в более поздние века именовались последователи Аристотеля, предпочитающие умничать в движении: от греческого “peripatos” – «прогулка».

После прогулки в горах я приглашаю всех знакомых и незнакомых перипатетиков на форелевую ферму с кафе под платанами “Psilo Dendro”, что в переводе с греческого означает «высокое дерево». Для этого нужно держать курс на симпатичную деревню Платрес, очень смахивающую на горнолыжный европейский курорт, а дальше направляться к Каледонским водопадам. Место это уникальное и в будние дни довольно безлюдное. Для правильной экипировки в Троодосе смело сбрасывайте от температуры вниз, на морском побережье, градусов десять. А в жаркий день вас там ждет прохлада ущелья, на дне которого неутомимо журчит горный поток. В общем, две мили подъема вдоль горного потока до Каледонского водопада – чистой воды удовольствие и нега. При этом особое предложение для нимф! Окунуться обнаженной в естественной каменной чаше реки Холодной, что на греческом завораживающе звучит как «Крио Потамос» – гарантия вечной молодости и любви. Плавали, знаем. А вот

после всего этого – конечно же – форель под гигантскими пятнисто-золотистыми платанами с салатovým цветovým по-слевкусием. Отловят ее, серебрянобокую, здесь же, на ферме, да и мастерски приготовят на огне улыбочивые черноглазые болгары, доставят к вашему столу дородные русоволосые польки, ну а платить будете за все хозяйке – черепахоподобной англичанке, которая, кажется, застряла с компаньонкой здесь на острове еще с колониальных времен. Проверив чек и неспешно отпивая из чашечки кофе «глики», что на греческом означает – с сахаром, я всерьез задумался над генетическим вихрем, который все эти века кружил на здешнем острове. Какая тут Америка с ее двухвековой историей, настоящий плавильный тигель был здесь, на Медном острове. Кто только не вносил свою посильную лепту в его генофонд. И будто в подтверждение этого раздался гортанный возглас из-за соседнего столика. Это был какой-то весь блестящий в своей смуглости финикиец с антрацитовым взором – потомок семитских переселенцев из Вавилонии. Эти прирожденные торговцы обосновались на востоке острова и построили в Китиуме (городе, ныне сокрытом под современной Ларнакой) богатые поселения Аматус и Лапитос. Но основное переселение народов сюда началось, чтобы никогда уже больше не закончиться, несколько позже. И видит бог (в данном случае Амон-Ра), кто только ни желал в наступающие словно морские волны на остров века приспособить его под свои вычурные цветастые одежды.

На время самопровозгласив себя писателем, я каждое утро начинал с чашечки здешнего кофе с каплей молока и никуда не спешил. Выходил на веранду, садился в деревянный шезлонг. Меня приветствовал благоухающий после дождя, вымытый до изумрудности средиземноморский сад: яркоцветная жизнелюбивая бугенвиллия, густолистая мастикодендро, разлапистая шеффлера, вечноцветущий гибискус, мохнолапая араукария, простой олеандр и, наконец, как восклицательный знак в конце этого длинного предложения – стройноствольный кипарис. И все это пахучее великолепие клубилось цветастым туманом на фоне никогда не повторяющейся картинке моря с небесным занавесом. Да и та изменялась почти ежеминутно. Глубина цвета, его насыщенность, четкость или наоборот размытость линии горизонта.

Эта визуальная текучесть завораживает, всасывает твоё сознание. Эта самая доступная форма медитации. Все отступает на задний план, и ты просто блаженствуешь желаньям вопреки. Некоторые сезонные закономерности все же угадываются, например, на пике лета, когда всю работу огненные меха не такой далекой Африки, море часто бывает белесым, в дымке, будто выцветшим, весной и осенью цвета более насыщены (вплоть до гомеровского винноцветья), морская гладь более рельефна, а горизонт четко очерчен. У моей ежедневной морской картинке были свои преимущества. Если перед тобой только море, оно воспринимается не так интенсивно, как в случае, когда оно обрамлено природ-

ной рамкой: по краям – горные склоны, внизу – разноцветье средиземноморского сада.

Ночью моря не видно, зато лучше слышно: мерный шум набегающих на берег волн. Если и искать в мире постоянства, то именно в шуме морских волн. Именно так их слышали Македонский и преданный ему Птолемей, унаследовавший после ранней смерти Александра этот остров вместе с Египтом, позже – Клеопатра и Юлий Цезарь, просто подаривший Кипр своей возлюбленной, или Беренгария Наваррская и Ричард Львиное Сердце, отомстивший местному королю Исааку Комненоосу за непочтительное отношение к своей невесте. Все эти персонажи явятся на страницы этой книги в свое время, явятся затем, чтобы поведать нам, что они здесь на острове пытались обрести...

...Когда же над островом вызревает луна, море становится видимым по ночам. Серебристая дорожка раскатывается к анемичному светилу, дрожа шелками по краям. Словно на фотонегативе, проступают горы, а все это великолепие охраняет стойкий кипарис-воин. В такие ночи можно завалиться на лопатки, заложив руки за голову и, потеряв счет времени, улететь взором к хрустальным созвездиям антрацитового бархата неба.

Тем вечером, пока я плавал в море, стемнело. Возвращался, держа курс на береговые огни. В конце от усталости плыл на спине. Переворачиваться не хотелось: пристану к берегу как рыбацья лодка, решил я. Сначала где-то внизу зашуме-

ла галька, перекатываемая волной, потом почувствовал, что спиной, словно днищем, вползаю на галечный берег.

Корабли фараона Тутмоса III, по преданию, одного из величайших правителей Египта, наконец, достигли острова. На этот раз не только с торговой миссией. Теперь здесь были египетские войска, уже побывавшие в завоевательных экспедициях в Сирии и Палестине. А еще вместе с воинами на остров приплыли чиновники с папирусами. На ближайшую тысячу с лишним лет Кипру предстояло стать египетской провинцией. И вот ирония судьбы – Медный остров превратился в остров фараонов, благодаря неожиданному подарку богов – процветанию. Впредь так и будет – процветающее Средиземье станет желанным. Но ведь без претендентов, пусть с самыми разными целями и формами владения, островок наш будет неминуемо хиреть и всячески оскудевать. Может поэтому хитроумные киприоты во все времена к пришельцам относились в основном с доверием и с надеждой на лучшую совместную жизнь. Порамышлять об этом мне довелось, любуясь светло-зелеными оттенками алебастровой вазы в Кипрском музее – этой «посланницы земли фараонов», как ее поэтично величают тамошние служители.

Вообще, этот островок умеет настраивать на поэтически-философский лад. В отличие от шумных городов – пожирателей людских энергий (не потому ли мы оставляем их без сожаления), – остров ту самую энергию нам возвращает. Да так, что любой бука и педант становится здесь роман-

тиком и философом. Причем обрывки мыслей былых мудрецов и волнующие исторические параллели, кажется, витают в самом пряном воздухе, и вам остается только поглубже вдохнуть его, чуть задержав дыхание на выдохе. Ведь стоит только обернуться на Запад и благоразумно удержать себя от попыток свежо описать закат, как череда греческих островов явится нашему мысленному взору. И первым среди них встанет Родос – до него тут всего ночь пути, но мы минуем его и отправимся в своих мыслях на остров Крит. И используя художественный прием нашего соотечественника Карла Брюллова в его живописном «Последнем дне Помпеи», который в более поздние времена угасал в Италии, представим себе последнюю ночь Кносского дворца царя Миноса на Крите. При этом не забудем, что когда-то это была самая могущественная морская держава в Центральном Средиземноморье. Покачивающаяся на волнах в городской бухте флотилия говорит сама за себя. Великолепен дворец с сонмищем комнат, сплетенными как Лабиринт, дворец с диковинными, утолщенными кверху колоннами, щедро освещенными огнями. В их бликах оживают красочные настенные фрески, изображающие таинственные «игры с быком». На Крите, как и на Кипре, развита тавромания – культ поклонения быку. Кипрские вазы – тому убедительное художественное свидетельство. И что еще интересно – способ кипрского письма носит название «бустрофедон» или «поворот быка»: буквы первой строки ложатся справа налево, второй: слева направо. Гово-

рят, так ложится борозда у пахаря. В письменности этих двух островов, которая и по сей день не расшифрована, так много общего, что она неспроста носит название кипро-минойской или критокипрской.

На найденном на Крите остроконечном клинке, принадлежавшем, по всей вероятности, местному жрецу, с двух сторон было высечено одинаковое изображение: неведомый зверь с косыми глазами, рылом и клыками вепря, и ушами, по форме напоминающими крылья бабочки...

В ту описываемую нами ночь внезапно весь город и его богатейший дворец были разрушены. Примерно в это же время, в XIII веке до нашей эры, неподалеку на греческом острове Санторин случилось мощнейшее землетрясение. Предположительно, оно вызвало цунами во всем Средиземноморье, и минойская цивилизация канула в лету. Тогда будто бы произошел какой-то слом и в других, до той поры процветающих городах-государствах Средиземноморья, и началась массовая миграция греческих народов, в том числе, из-за перенаселенности. Греки устремлялись в Италию, Малую Азию, осваивали черноморское побережье. Многим из них не было суждено миновать остров Кипр на востоке.

А гениальнейший французский археолог Жак Ив Кусто выдвинул гипотезу о том, что древние царства Средиземноморья послужили для Платона прообразом Атлантиды, которую он подробно описал в своих трактатах, но которую так никто никогда не обнаружил. Другие исследователи, опро-

вергая версию Кусто, пытаются доказать, что Атлантиду надо искать как раз вблизи Кипра. И с ними трудно поспорить, ведь Атлантида, как и Истина, всегда где-то рядом... Наверное, поэтому именно здесь, на Кипре, стоит только забрести в античные развалины, выхватывая взглядом, вот хоть, напольные мозаики, как сразу в вашей голове, будто в предчувствии мигрени с ее мозаичным видением, непременно закружатся обрывки мыслей, вся эта неясная и обманчивая теньпись...

И фосфоресцирующим курсивом в небе над античной агорой возникнет запись специалиста: «Такое кувыркание акробата, судя по слишком низкому положению рук на спине быка, в действительности физически невозможно».

И пока не будет расшифрована крито-кипрская письменность – смысл этих игр с быком останется загадкой.

Так или иначе, хотя Кипр и продолжал оставаться островом фараонов, но примерно с этих времен началась его эллинизация, и постепенно греческие переселенцы становились основной его народностью.

А в конце XIII века до нашей эры на острове появилось множество микенских поселений. Палеокастро, что в переводе с греческого означает – «старая крепость», – одно из таких мест. Оно располагается в Коралловом заливе неподалеку от Пафоса, где по сей день ведутся раскопки. Да и сам Пафос (Куклия) и Китиум – микенского происхождения.

Довелось мне побывать и там, откуда прибыли эти пере-

селенцы, – на Пелопоннесе – материковой части Греции. Нашим проводником был «герой моего романа» того периода жизни – легендарный немецкий археолог Генрих Шлиман, который явился в Микены в 1876 году после триумфальных раскопок в Древней Трое. Неистовый Шлиман решил искать в Микенах могилу царя Агамемнона, предводителя греческих народов в Троянской войне. Тогда в Микенах телевизионную серию про Шлимана мы успешно сняли: ее сюжет был о том, как наш герой нашел «золотую погребальную маску Агамемнона», чем материализовал еще один миф... На Кипре же, мирную колонизацию которого активно проводили соплеменники царя Агамемнона, подобная материализация мифов случается нередко, по крайней мере, в нашем воображении. Подумайте об этом! Да хоть и в Пафосе, который, по преданию, основали именно доблестные ветераны Троянской войны во главе с неким Киниром, ставшим впоследствии кипрским царем.

Путешествуя по пространствам острова, вы можете поразмышлять об этом, заглянув и в музей Ларнаки. Не любите музеи? Тогда наведайтесь туда только ради одной микенской чаши, это будет необычно и весьма экстравагантно. Этой ровеснице Троянской войны более 3000 лет, и кто знает, какие герои держали ее в руках.

Примерно между 1200 и 1000 годами до нашей эры массовая миграция греческих народов продолжилась. Историки сходятся на том, что это стало следствием вторжения в Эл-

ладу с севера. Завоевателей звали дорийцы, а военный успех им сопутствовал, потому что этот народ впервые в Средиземноморье стал применять железное оружие. Так железный век приходил на смену веку бронзовому.

К слову, не пора ли нам вспомнить о египетских фараонах? Их могущество ослабло примерно к VIII веку до нашей эры. В соседней Месопотамии, что по-гречески означало «земля между реками» на смену шумерской цивилизации, Вавилону и царю Хаммурапи, оставившему после себя свод законов, названных именем его самого, пришло Ассирийское царство. Оно-то ненадолго и захватило Кипр. Потом во второй половине VI века до нашей эры Фараон Амасис II восстановил права Египта на остров, но лишь для того, чтобы тот вскоре стал вассалом Персидской империи во главе с Великим царем Дарием I.

События и даты

для неспешных размышлений
за чашечкой кипрского кофе

1500 лет до н.э. – египетский фараон Тутмос III присоединяет Кипр к своим владениям. К этому же периоду истории относится первое упоминание Кипра в египетских летописях. Примечателен тот факт, что Пирамида в Гизе уже простояла к этому времени 1000 лет.

1300 – 1000 лет до н.э. – появление греческих городов-государств на Кипре.

800 лет до н.э. – ослабление могущества фараонов.

1500–400 гг. до н.э. (более 1000 лет) – Египет владел Кипром с небольшими перерывами, на которые его ненадолго «прибирали к рукам» Ассирия и Персия.

Глава 3. Остров Афродиты с улыбкой Астарты (греческий период) (400– 58 гг. до н.э.)

Мне имя – Марина, я – брeнная пена морская...

Марина Цветаева

Впервые мы повстречались при довольно необычных обстоятельствах... На море разыгрался нешуточный шторм. Придя на берег нашей бухты, я увидел, как большую белую лодку сорвало с якоря и уносит в открытое море, а ее капитан – пожилой седовласый грек – тщетно пытается посреди этой вселенской болтанки запустить мотор. И тут мимо меня на приличной скорости в направлении берега промчался джип. За рулем сидела молодая женщина с четким решительным профилем и с короткими выгоревшими на солнце волосами. Эта амазонка, как потом оказалось, и была Марина. Ее джип въехал передними колесами в воду, в руках Марины оказался моток шпагата, один конец которого она прикрепила к своей машине, а другой решила доставить вплавь на терпящую бедствие лодку. Надо сказать, что плавала Марина отменно. Лодка в тот день была спасена, а благодарный хозяин угощал всех очевидцев в близлежащей таверне «Берег капитана» хитом местной кухни – мясным мезе. Особенность мезе в том, что это не одно блюдо, а целый хоровод та-

релок, который постепенно стараниями приветливых кареглазых официантов оказывается у тебя на столе. Начинается это со всевозможных закусок, а заканчивается мясом, приготовленным всеми известными на острове способами, но в основном самым здесь излюбленным – на гриле. В той таверне под музыку сиртаки мы и познакомились с Мариной, явившейся мне в тот день буквально из морской пены в образе современной эмансипированной Афродиты. Причем в пене морской моя новая знакомая, как скоро выяснилось, пребывала в чисто научных целях. Она оказалась биологом, основным объектом исследования которого были морские ежи. Помню, меня это чрезвычайно развеселило, ведь до этого я, в основном, общался с представителями более традиционных профессий, которых занимали деньги, стройматериалы, продукты питания, нефть, наконец. Но никак не морские ежики.

– А что с ними не так? Я имею в виду, что вы с ними, собственно, делаете? – с трудом сдерживая улыбку, спросил я Марину.

– А вы приходите завтра на мыс Аспро, и я все вам покажу.

Я охотно согласился. Мы еще раз поздравили грека с чудесным спасением, выпили на прощанье по рюмке зевании – традиционной виноградной водки – и расстались.

На следующий день Марина предстала передо мной в гидрике, с влажными волосами и с белым пластиковым ведром,

в котором плескалась морская вода.

– Море сегодня штормит, нырять практически невозможно, на глубине полутора-двух метров болтает так, что одной рукой приходится держаться за камень, чтобы не вытолкнуло на поверхность, а другой выковыривать вот этих... – и она протянула мне ведро, дно которого сплошь покрывали черные колючие создания.

– С детства боюсь наступить в воде на такого, – признался я.

– И правильно боитесь, – вдруг открыто, совсем по-девичоночи засмеялась Марина. – Ногу разнесет так, что мама не горюй.

С этими словами она привычно подхватила одного из своих питомцев и на открытой ладони протянула мне. Ежом звался приплюснутый сверху и снизу черный с фиолетово-зеленоватым отливом шарик, из верхней части которого произрастали редкие и жесткие на вид иглы, а в центре нижней располагалось отверстие, которое оказалось ртом.

– Симпатичный зверек, расскажите мне о нем, ведь я кроме анекдотов про его земных сородичей ничего не знаю, – попросил я Марину.

Мы удобно уселись в прибрежном кафе со стаканами местного сухого белого вина «Святой Пантелеймон» (наверняка вам попадалась такая бутылка с монастырскими видами на зеленой этикетке) и продолжили беседу.

– Что ж, попробую, – начала свой рассказ Марина. – На

свете нет ничего более прибыльного, чем обещание женской половине рода человеческого вечной красоты.

– Начало интригующее, но при чем же здесь ваши ежики?

– А дело все в том, что морские ежи – идеальная биологическая модель, на которой очень удобно исследовать различные биопроцессы, реакции, скажем, на новые химические вещества. Как правило, полученные результаты применимы потом к другим более сложным биологическим видам, в том числе и к процессам, происходящим в человеческом организме. Морские ежики настолько хороши, что они были отнесены к идеальным биологическим моделям Национальным институтом здоровья США.

– А что же на выходе? Где применяются результаты ваших исследований?

– В основном в косметологии...

Та встреча с научной жрицей современного храма красоты и положила начало моим размышлениям о здешней богине любви и красоты – Афродите.

«Афрос» означает в переводе с греческого – «пена». Греческая богиня Афродита, явившаяся миру на морском берегу километрах в сорока от Лимассола и примерно в двадцати от Пафоса, там, где теперь имеется для всех любопытствующих четкий дорожный указатель, в переводе на русский и означает – «пенорожденная». Звучание еще одного ее ника просто завораживает – Анадиомена – «появляющаяся над поверхностью моря». Географический же факт явления

богини на острове Кипр из той самой морской пены увековечил многознающий Гомер, «потому еще ее называют Киприда, или «кипророжденная». Ну, а поскольку про Медный остров вы теперь знаете не понаслышке, вас уже не удивляет тот факт, что всем претендентам, в том числе Посейдону, и Аресу Афродита для замужества предпочла самого некрасивого, зато самого искусного Бога – кузнеца Гефеста. Именно его ремесло было более всего востребовано на острове.

Однако самое время оговориться, что мы, завсегдатаи пыльных сувенирных лавчонок – обычно представляем Афродиту кокетливой особой со склонностью к амурным шалостям. На этот образ работает тот же крылатый мальчуган Эрот, или в более привычной для нас версии – Купидон, разящий направо и налево любовными стрелами сердца обычно ничего не подозревающих жертв. Но это самая поздняя и самая попсовая трансформация образа этой богини. Чтобы понять, насколько серьезен был культ Афродиты на этом острове, необходимо вернуться к его истокам. Для этого сделаем вот что – представим ее изображения на монете. Образ на одной – светлой ее стороне – будет именоваться Афродитой Уранией или «небесной», богиней чистой и целомудренной любви, но у этой монеты так же будет и вторая, темная сторона – Афродита Пандемос – покровительница блудниц с культом священной проституции у ее храмов. Истоки темных, а иногда и откровенно зловещих ее сторон нам стоит поискать в малазийских прообразах Афродиты, которая

зачастую отождествлялась с тамошними богинями плодородия: египетской Исидой, вавилоно-ассирийской Иштар, финикийской Астартой. Для чувствительного русского уха эти имена звучат весьма пугающе. И тут я вспомнил, что одно из воплощений древней богини – на этот раз довольно злое – крутобедрое изваяние женщины, увенчанное птичьей головой с исполинскими серьгами в ушах, – оно было подвешено в джипе у Марины к зеркальцу заднего вида...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.